

В ГОРОДСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Одинокое дерево

Тому назад лет сорок, в начале шестидесятых годов в многолюдье бакинских улиц и парков можно было встретить симпатичного молодого брюнета с сумкой, перекинутой через плечо, и фотоаппаратом на ремешке. Незнакомцы могли принять его за заправского фоторепортера, между тем, это был талантливый наш прозаик, только что вернувшийся из Москвы студент Института имени М.Горького. Хотя, он родился в семье прославленного и всенародно любимого поэта Самеда Вургуня, по его собственному признанию за свою жизнь он не написал ни одной стихотворной строки. Он был прирожденным прозаиком - по призванию, по природе своего дарования. И с первых же рассказов привлек внимание читателей; мне до сих пор памятен его "Комната № 220", "Холодный камень", "Галактика", "Фото - фантазия" и еще ряд свежих, блестящих неординарных рассказов. Позднее, после длительной,

плодотворной кинодраматургии, он порадовал вновь "позабывшим" им жанром, такими ярко впечатляющими, совершенными по художественной отделке рассказами, как "Порог", "Пора весенняя в Индже-дере", "Баяты-Шираз" и доказал, что его имя достойно занимать место в ряду крупнейших мастеров этого жанра в Азербайджанской литературе.

В семидесятые-восьмидесятые годы Юсиф Самедоглу предстал в другой ипостаси своего таланта, как автор интересных киносценариев. Достаточно назвать "Семеро сыновей моих" и "Попутный ветер". Все эти годы, не зависимо от занимаемой должности, писательских и служебных забот, Юсиф не расставался с фотокамерой, все с той же уверенной не спешной походкой обходя уголки любимого города, фиксируя на пленке несметное множество "остановленных мгновений" быстро текущей жизни... Замечу, что признанные фото-

мастера Баку высоко оценивали снимки, и считались с его замечаниями по поводу своих работ. Еще один штрих: самые новые модели фотоаппаратов в Баку появлялись раньше всех, даже профессионалов, у Юсифа.

Юсиф Самедоглу был чрезвычайно взыскательным к себе писателем. Быть может, потому и писал куда скупее и реже, чем ожидали читатели от него. В 1998 году, когда его не стало, в многоголосьи прощальных слов о незабвенном Юсифе прозвучало "Гений малописания". Сказано точно. Но это не значит, что Юсиф месяцами, годами, не брался за перо, не работал. Отнюдь нет. В нем постоянно шла внутренняя работа, он постоянно пребывал в творческом настрое (говорю это, как близко знавший его), единственный роман, оставшийся незавершенным - "День казни" он писал на протяжении почти двух десятков лет. Роман стал событием, обозначившим новую высоту национального художественного слова, как выразился Анар, "День казни", стал "Днем откровения" нашей современной литературы. Он был художником, пребывающим в вечном поиске. И снятые им фотографии, может статься, были прикидками зреющих в его воображении замыслов, образов, полифонии - как музыкант настраивает инструмент, пробует звук, прежде чем начать исполнение, так и Юсиф "настраивал" себя, прежде чем сесть за письменный стол...

Или это только мои домыслы и фантазии? Какая, казалось бы, связь может существовать между фото экзерсисами Юсифа и его прозой? Но, сдаётся мне, связь есть! Если Юсиф уделял этому занятию столь щедрое время, значит, это было не праздное хобби, а нечто большее, необходимое.

Вообще, откуда вдруг всплыл наш разговор о страсти Юсифа Самедоглу к фотографиям? Произошло это случайно. На днях, перелистывая свой домашний фотоальбом, я задержал взгляд на фотоэтюдах Юсифа. Мое внимание привлекла деталь, повторяющаяся во всех фотоснимках: на первом плане - сухое дерево, без единого листочка. Раньше я как-то не замечал этого повторения. Что это - случайность? Не думаю! Тогда, что же означает этот образ? Я не могу найти внятного, убедительного ответа на этот вопрос. Поразмыслите и Вы, читатель. Может, Вам удастся найти разгадку... 🌱

Интигам ГАСЫМЗАДЕ

